

Р.В. Зимовец

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ РАНЕСКИФСКИХ МИГРАЦИЙ (по материалам звериного стиля)

Раннескифский звериный стиль является одним из маркеров продвижения скифов в Восточноевропейской Степи и Лесостепи в VII—VI вв. до н. э. На основании анализа скифского звериного стиля Крыма, а также его многочисленных аналогий из Восточной Европы, выдвигается гипотеза, в соответствии с которой полуостров был основным транзитным путем из Предкавказья в Северное Причерноморье и Лесостепь в это время. Рассматриваются основные возможные маршруты тако- го продвижения. Обосновывается предположение о значительном присутствии скифского контингента в VII в. до н. э. на территории как Степного, так и Предгорного Крыма.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, Крым, ранний железный век, миграции скифов.

Как письменные, так и археологические источники свидетельствуют о том, что примерно с середины VII в. до н. э. на Крымский полуостров начали проникать носители скифской культуры. Геродот недвусмысленно пишет о том, что *вернувшись* (выделено нами — Р. З.) на свою территорию после переднеазиатских походов, скифы встретили сопротивление потомков слепых рабов, прокопавших ров от Меотидского озера до Таврских гор [Herod., IV, 1], перекрывших, таким образом, Ак-Монайский перешеек [Ольховский, 1981, с. 61—63]. То есть, скифы (по крайней мере, определенная их часть) присутствовали в Крыму уже до походов в Переднюю Азию. Возможно, именно с полуостровом связана и описанная Геродотом «погоня» за киммерийцами, в результате которой оба народа оказались в Передней Азии [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155—156]. Во всяком случае, после походов скифы возвращались в Крым уже как в «свою страну». К 640-м гг. до н. э. относится погребение на Темир-горе, чуть более позднему времени — 630—625 гг. до н. э. — захоронение у с. Филатовка в Северном Крыму [Храпунов, 1995, с. 30] — четкие индикаторы присутствия скифов в степных районах Восточного и Северного Крыма. Однако характер этого присутствия, а также вопросы, связанные с его территорией и интенсивностью в эпоху архаики (VII—VI вв. до н. э.) до сих пор остаются предметом дискуссии среди специалистов.

Большинство исследователей разделяет точку зрения, в соответствии с которой во второй половине VII—VI вв. до н. э. кочевники лишь изредка проникали на территорию Степного Крыма. Как отмечает И.Н. Храпунов, единичный характер памятников этого времени отражает малочисленность населения, хотя «не возникает сомнения, что кочевые скифы были единственными жителями крымских степей» [Храпунов, 2003, с. 16]. В совместной книге И.Н. Храпунов и В.С. Ольховский указывают, что и до переднеазиатских походов, и после возвращения из них скифы попадали в Северопричерноморскую Степь двумя путями: через низовья Дона и через Керченский пролив и полуостров. При этом исследователи отмечают, что второй путь был намного короче и известен скифам со времени «погони» за киммерийцами, т. е. с самого начала их пребывания на этих территориях [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 20—21]. Однако в своей монографии, вышедшей пятью годами позже, И.Н. Храпунов определенно пишет о проникновении ранних скифов в VII в. до н. э. в Крым «с севера», т. е. через Перекопский перешеек [Храпунов, 1995, с. 45].

Меняются взгляды двух исследователей и на вопрос проникновения скифов в Центральный

Меняются взгляды двух исследователей и на вопрос проникновения скифов в Центральный

Крым и Крымское Предгорье. Так, в 1980-х гг. В.С. Ольховский полагал, что скифы проникают в Предгорье не позднее первой половины VI в. до н. э. и в это же время вступают в контакт с представителями кизил-кобинской культуры. Начинается процесс культурного взаимодействия и взаимопроникновения, в результате чего возникает некая смешанная культура, сочетающая в себе черты скифской и кизил-кобинской. Ее погребальный обряд совмещал западную ориентировку и вытянутое положение покойников при наличии керамики с резным геометрическим орнаментом и могильных сооружений в виде каменных ящиков. Однако немногочисленность памятников этого времени заставляет предположить, что скифы появляются в Крыму периодически, видимо, для сбора дани, а основными территориями их кочевья являются южноукраинские степи [Ольховский, 1982, с. 76]. А в уже упомянутой совместной книге соавторы пишут, «что кизил-кобинское население предгорий и части степей уже в VII в. до н. э. вступило в прямые контакты с появившимися в степи скифами. Подобные контакты вполне могли привести к появлению в столь ранний период группы смешанного скифо-кизил-кобинского населения, оставшегося в Крыму после ухода основной массы скифов в Переднюю Азию» [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 26]. В более поздней работе И.Н. Храпунов все-таки говорит о VI в. до н. э. как о времени начала контактов скифов и кизил-кобинцев [Храпунов, 2003, с. 14].

В статье, опубликованной еще в 1950-х гг., на основании известных на то время археологических материалов, Т.Н. Троицкая пришла к выводу о существовании принципиальных отличий между раннескифской культурой Керченского полуострова, изначально находившейся под сильным греческим влиянием, и скифской культурой Центрального Крыма, являвшейся неким отголоском скифской культуры Поднепровья. Различными, по мнению Троицкой, были и пути проникновения скифов в Крым. Если восточная часть полуострова была тесно связана с Прикубаньем и миграция шла через Керченский пролив, в Центральном Крыму скифы оказываются на столетие позднее, проникая туда, вероятно, из приднепровских Степей через Перекоп [Троицкая, 1957, с. 68]. Основанием для такого вывода служат, в первую очередь, материалы «скифской триады», появляющиеся в Центральном Крыму намного позднее, чем в Восточном. Если предметы звериного стиля с Темир-горы датируются серединой — третьей четвертью VII в. до н. э., то первым ранним памятником в Центральном Крыму, из которого происходят известные бронзовые бляхи в виде свернувшегося хищника и ритуальный топорик, сочетающий голову хищной птицы и ногу неопределенного копытного, является погребение 3 кургана 2 у с. Долинное

(курган Кулаковского), относящееся ко второй половине VI в. до н. э. При этом территориальная и хронологическая уникальность Темир-горы привела исследовательницу к выводу об «особом характере» данного памятника и его нетипичности для крымского региона [Троицкая, 1957, с. 69].

Противоположная точка зрения на характер присутствия скифов в Центральном Крыму и Предгорье была высказана Х.И. Крис. По ее представлениям, во второй половине VII в. до н. э. скифы не только появляются в Предгорье Крыма, но и уже составляют значительную группу населения [Крис, 1976, с. 245]. По мнению исследовательницы, к раннескифскому времени (вторая половина VII — начало VI вв. до н. э.) можно отнести около 50 впускных погребений, характеризующихся положением на спине и западной ориентировкой. Что касается лощеной керамики с резным геометрическим орнаментом, встреченной во многих из этих погребений, то она вполне может быть связана с пришлым скифским населением, поскольку, появившись в VII в. до н. э., проявляет сходство с керамикой Северного Причерноморья, Северного Кавказа, частично, Лесостепи (жаботинские памятники) [Крис, 1976, с. 241]. То есть, как полагала Х.И. Крис, не скифы заимствовали кизил-кобинскую керамику, а наоборот, кизил-кобинцы переняли у пришлых скифов новый керамический комплекс.

Э.В. Яковенко в докторской диссертации выдвинула гипотезу о существовании «торного пути», соединявшего район Северного Кавказа с Балкано-Дунайским регионом и Лесостепным Поднепровьем еще с предскифского времени и проходившего через территорию Крыма [Яковенко, 1985, с. 4, 17]. Этот путь был кратчайшим, и имел большое значение для утверждения скифских племен в Северном Причерноморье. Исследовательница обращает внимание на отличную от современной экологическую ситуацию на Керченском полуострове в VII—IV вв. до н. э., наличие в Керченском проливе удобных для перехода бродов¹, по которым «скифы устремились из Предкавказья на новое завоевание Северного Причерноморья» [Яковенко, 1985, с. 4, 17].

Схожую гипотезу развивает и М.Ю. Вахтина, акцентируя внимание на значении Крыма как транзитной территории в раннескифское время, соединявшей Прикубанье и Северное Причерноморье. Ссылаясь на упоминания «отца истории», она высказала предположение о том, что «через район Восточного Крыма в эпоху архаики проходил путь регулярных миграций скифов, связывавших Степное Поднепровье и Кубань» [Вахтина, 1989, с. 78]. В пользу этих

1. Само слово «Боспор» в переводе с греческого языка означает «бычий брод» [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 21].

данных свидетельствуют и археологические материалы. В контексте обычая кочевников насыпать курганы вдоль главных степных «дорог» интерпретируются курганы на Темир-горе и близ Филатовки. На основании анализа родоско-ионийских сосудов с Темир-горы, Филатовки и Немировского городища, а также аналогий негреческим вещам с Темир-горы исследовательница отмечает определенное «тяготение» темиргорского погребения к западным районам Северного Причерноморья [Вахтина, 1989, с. 78].

Подытоживая мнения разных исследователей о роли и месте крымского полуострова в контексте раннескифских миграций, можно сформулировать следующие положения, которые демонстрируют единство и различия в подходах к данному вопросу.

Во-первых, все исследователи согласны с тем, что время появления скифов в Крыму необходимо относить к третьей четверти VII в. до н. э., т. е. ко времени темиргорского памятника.

Во-вторых, считается, что на протяжении второй половины VII—VI вв. до н. э. скифское население Крыма было крайне немногочисленным, и кочевало в степных районах полуострова.

Различия касаются, преимущественно, трех моментов. Во-первых, путей проникновения скифов на Крымский полуостров: через Керченский пролив (Э.В. Яковенко), Нижнее Подонье и Перекоп (И.Н. Храпунов), по обоим маршрутам (В.С. Ольховский, И.Н. Храпунов), по обоим маршрутам, но в разное время (Т.Н. Троицкая). От решения данного вопроса во многом зависит понимание роли Крыма в контексте раннескифских миграций: случайное проникновение, транзитная территория, постоянное пребывание.

Во-вторых, времени проникновения скифов в Центральный Крым и Предгорье: либо раннее, в VII в. до н. э. (Х.И. Крис, В.А. Колотухин), либо более позднее — VI в. до н. э. (Т.Н. Троицкая, А.М. Лесков). В.С. Ольховский и И.Н. Храпунов в разное время принимали и более ранний, и более поздний временной интервал.

В-третьих, это вопрос взаимоотношения скифов и аборигенного — кизил-кобинского — населения Крыма. С тем, что кизил-кобинская культура повлияла на скифов, кочевавших в Предгорье, похоже, согласны все исследователи, однако вопрос о степени этого влияния и его составляющих элементах остается дискуссионным. Также необходимо отметить, что, по сути, лишь один исследователь — Т.Н. Троицкая — на основании анализа раннескифского звериного стиля, дал четкую картину хронологической дифференциации эпохи архаики в Крыму и предложил свое видение заселения полуострова скифами в VII—VI вв. до н. э.

Задача данной статьи — проанализировать приведенные выше выводы и остающиеся

открытыми вопросы в контексте современных знаний о зверином стиле эпохи архаики, представленном на территории полуострова. Звериный стиль, наряду с другими предметами «скифской триады», является одним из наиболее характерных маркеров культур скифского облика на различных территориях их распространения. Естественно, рассмотрение этого материала должно находиться в контексте анализа других элементов «триады», а также погребальных комплексов и поселенческих структур.

Однако здесь и возникает принципиальная сложность. Комплексов, датируемых временем скифской архаики в Крыму крайне мало, и они хорошо известны. В то же время, с территории Крыма происходит достаточно представительная коллекция предметов «скифской триады» архаического времени и, в первую очередь, предметов, оформленных в зверином стиле. Методологическая оправданность привлечения материалов скифского звериного стиля к рассмотрению вопроса о миграциях ранних скифов объясняется и тем фактом, что для большей части VI в. до н. э. не зафиксировано производство металлических предметов в зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья и на городищах Лесостепи [Ольговский, 2014, с. 88, 185, 249]. Звериный стиль, как в виде целостного репертуара образов, так и отдельных категорий предметов, появляется в Восточной Европе в «готовом виде», не имея аналогов и прототипов в предшествующих культурах данной территории, а это означает, что «за распространением характерных элементов культуры скрываются перемещения самих носителей этих культурных традиций» [Курочкин, 1989, с. 109]. После начала производства металлических изделий, оформленных в зверином стиле, в эллинских центрах Северного Причерноморья и на лесостепных городищах с конца VI и, в особенности в V вв. до н. э. этот феномен становится, в большей степени, маркером культурных влияний, связанных с производственными центрами, эстетическими предпочтениями и т. д., нежели миграционных процессов.

Определение аналогий целому ряду образов, происходящих с территории Крыма, их генезиса, дает представление о возможных путях миграций скифов во второй половине VII—VI вв. до н. э., а также роли крымского полуострова в этом процессе. Для решения поставленной задачи мы проанализируем репертуар образов звериного стиля эпохи архаики в Крыму, и приведем основные аналогии крымским изображениям с других территорий Восточной Европы, выявляя возможные закономерности их генеалогии и развития (1), на основании этого анализа рассмотрим возможные направления миграций ранних скифов и роль Крыма в этом процессе (2).

1. СОСТАВ ОБРАЗОВ И ИХ АНАЛОГИИ

Коллекция оригинальных архаических крымских изображений в скифском зверином стиле насчитывает 38 экземпляров (с учетом зооморфных превращений и дополнительных изображений). Количество предметов, которые они оформляют — 32. Наиболее известными изделиями звериного стиля с территории Крыма, относимыми ко второй половине VII в. до н. э. являются костяное налучье и бляха в виде свернувшегося хищника с Темир-горы (рис. 1, 1, 2).

Костяное налучье выполнено в виде головы бараноптицы (грифобарана), оформленного дополнительными изображениями на клюве (моделировка рта), в основании клюва (моделировка рогов), и в основании головы. Изображение бараноптицы является одним из наиболее архаичных в скифском зверином стиле, на что уже неоднократно обращали внимание специалисты¹. Наиболее ранние изображения зафиксированы в Келермесских курганах 1/В, 2/В, датированных 660—640 гг. до н. э. [Галанина, 1997, с. 184—192]. Однако образ баранопти-

цы встречается также в Закавказье и Передней Азии — зоне переднеазиатских походов скифов, в частности в Тейшебаини (Кармир-Блуре) и Норшунтепе [Иванчик, 2001, с. 25, рис. 4, 8; с. 37, рис. 14, 6]. Большинство среднеднепровских изображений исследователи считают подражательными по отношению к предкавказским образцам [Канторович, 2015, с. 806], что позволяет уверенно говорить о сложении данного образа на территории Кавказа-Предкавказья во время переднеазиатских походов и последующем его проникновении в Среднее Поднепровье через территорию Крыма.

В виде изображений бараноптицы оформлены распределительные пряжки-пронизи уздечных ремней, навершия деревянных псалиев, налучья, ритуальные бронзовые навершия. Относящаяся к категории костяных налучий², темиргорская бараноптица характеризуется рядом оригинальных черт: она имеет значительные размеры, и украшена тремя дополнительными изображениями. Наиболее близкие по стилистике экземпляры происходят из могильника Новозаведенное-II, относимого ко второй половине VII — началу VI вв. до н. э. [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 246],

1. Историография вопроса и комплексный анализ данного образа представлен [Канторович, 2007].

2. Каталог налучий был недавно приведен в специальной работе И.Б. Шрамко [Шрамко, 2015].

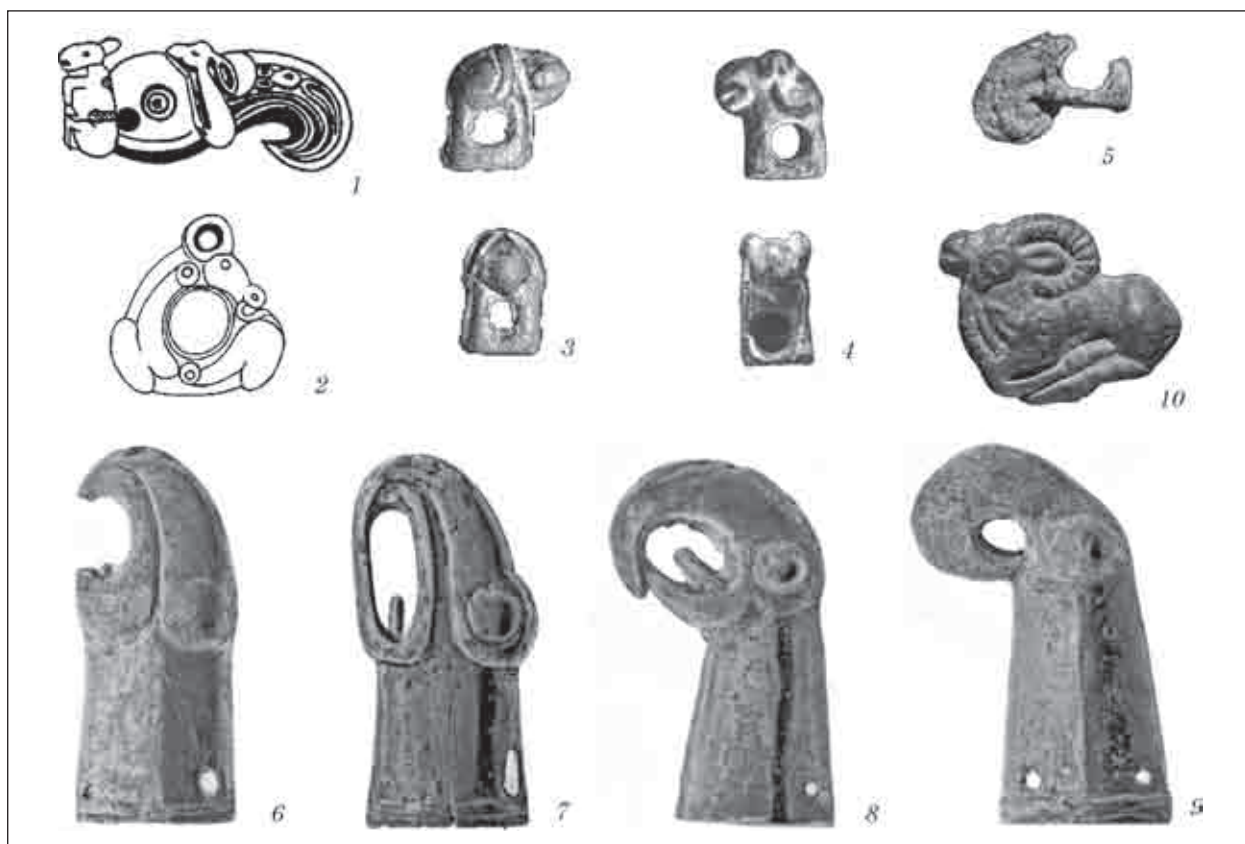

Рис. 1. Скифский звериный стиль Крыма VII — первой половины VI вв. до н. э.: 1, 2 — Темир-гора; 3 — уроч. «Седьмое поле» Красногвардейского р-на; 4 — Агармыш (окрестности Старого Крыма); 5 — с. Межгорье Белогорского р-на; 6 — уроч. Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма); 7 — Агармыш; 8 — Кубалач; 9 — с. Александровка Белогорского р-на; 10 — между пос. Зуя и Ароматное Белогорского р-на

из зольника 28 Бельского городища, датированного последней четвертью VII — второй—третьей четвертью VI вв. до н. э. [Шрамко, 2015, с. 489], из погребения 1 кургана 2 близ Семеновки Херсонской области [Мурзин, 1984, с. 17, рис. 5, 6]. Семеновское налучье — единственное в данной серии, не имеющее дополнительных изображений. Ближким по иконографии является изображение бараноптицы на парных бронзовых навершиях из кургана 476 у с. Волковцы, также украшенных дополнительными изображениями и датировемых VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 193].

Дополнительные изображения заслуживают отдельного рассмотрения. Э.В. Яковенко обратила внимание на общность образа головы копытных животных на клюве бараноптицы с Темир-Горы и ряде посульских псалиев [Яковенко, 1976, с. 238—239]. Изображение на клюве темиргорской бараноптицы представляет собой удлиненную головку, оканчивающуюся двумя рельефными овалами, передающими ноздрю и рот животного. Маленький глаз моделирован кружком. Сзади — длинное лепестковой формы ухо, впадина раковины которого образует, одновременно, рот бараноптицы. Это изображение находит параллели на костяных псалиях Посулья, выполненных в виде головы «бегущих» коней, относимых к VI в. до н. э. [Яковенко, 1976а, с. 129; Яковенко, 1976, с. 238—239]. Особенно схожей с темиргорской головкой является одна из головок «бегущего» коня из кургана у хут. Шумейко [Ильинская, 1965, с. 89; рис. 1, 5]. Посульские аналогии собственно и позволили Э.В. Яковенко идентифицировать дополнительное изображение на темиргорском клюве как голову коня. Но кроме посульских псалиев, крайне близким этому изображению является изображение на клюве бараноптицы из кургана 13 могильника Новозаведенное II (Предкавказье). Здесь также представлено животное с удлиненной головкой, оканчивающейся двумя овалами и имеющей длинное ухо [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 244—245, рис. 5, 1]¹.

На клюве бараноптицы волковецких наверший отсутствует дополнительное изображение головки копытного. В то же время, ее рога, также как и рога темиргорской бараноптицы, оформлены в виде фигурок животных, интерпретация которых до сих пор неоднозначна. Так, Э.В. Яковенко видит в данном образе молодого (безрогого) лося, характерным признаком

которого является горбоносая морда [Яковенко, 1976, с. 239]. Е.В. Переводчикова трактует их как изображения зайцев [Переводчикова, 1994, с. 54], А.Р. Канторович — как голову копытного или зайца [Канторович, 2015, с. 804]. Не так давно идентификация дополнительного изображения на рогах бараноптиц с Темир-горы и Волковцов в качестве головы зайца получила дополнительную аргументацию. На Западном укреплении Бельского городища был выявлен костяной наконечник лука в виде головы бараноптицы, рога которой украшает выполненное крайне реалистично полнофигурное изображение зайца [Шрамко, 2015, с. 487—511, ил. 1. 1]. По мнению И.Б. Шрамко, уникальность бельского налучья заключается в том, что с его помощью становится возможной идентификация ряда дополнительных образов, размещенных на головах бараноптиц — темиргорской, волковецких и, возможно, новозаведенной — остававшихся до настоящего времени спорными. Соглашаясь с И.Б. Шрамко относительно идентификации образа зайца в оформлении рогов бараноптиц с Темир-горы и Волковцов, отметим, что трактовка Э.В. Яковенко изображений на клюве темиргорской (а, значит, и новозаведенной) бараноптицы как головок копытного остается актуальной, благодаря аналогиям «бегущим» коням на псалиях Посулья.

Впрочем, для целей нашего исследования важна не столько идентификация, сколько сама связь рассматриваемых образов. Известны лишь два случая, когда непосредственно клюв бараноптицы украшается дополнительной головкой копытных: Темир-Гора и Новозаведенное II. Ближайшими аналогиями этим изображениям являются головки «бегущих» коней на посульских псалиях. Таким образом, есть основания говорить о том, что специфическая иконография головы бараноптицы с дополнительными изображениями копытных на клюве сложилась на пространстве от Кавказа до Восточного Крыма, а отдельный его элемент находит самостоятельное оригинальное воплощение на костяных псалиях Посулья.

Если верно предположение о том, что субъектом зооморфных превращений рогов бараноптиц с Темир-горы, Бельска и Волковцов является фигура зайца, становится возможным говорить о локальных особенностях образов, характерных для Крыма и Днепровской Левобережной Лесостепи (Посулья и бассейна Ворсклы)². К сожалению, необходимо признать, что условность изображения в основании клюва темиргорской бараноптицы, да и в целом «определенный разнотип признаков», характерный для изображения зайца в эпоху арха-

1. Необходимо отметить, что идентификация дополнительного изображения на клювах бараноптиц с Темир-горы и Новозаведенного II, как головы копытного, не является бесспорной. Так, А.Р. Канторович идентифицирует изображение на клюве темиргорского изделия с головой «копытного или зайца», а на клюве бараноптицы из Новозаведенного II — как «копытного или хищника» [Канторович, 2015, с. 804].

2. Зооморфная трансформация рогов новозаведенской бараноптицы в большей степени отсылает к мотиву хищника, нежели зайца [Петренко, Маслов, Канторович, 2014, с. 245].

ики [Полидович, Вольная, 2005, с. 423], не позволяя пока ставить точку в этой дискуссии.

Клювовидные и барановидные пряжки-пронизы. Фрагментированная клювовидная пряжка-пронизь с сильно загнутым клювом и рельефно выраженным ртом была обнаружена неподалеку от с. Межгорье Белогорского р-на (рис. 1, 5). Еще 2 бронзовые пряжки-пронизы в виде скульптурной головы барана найдены в окрестностях Старого Крыма, на территории горного массива Агармыш (Кировский р-н), а также к юго-западу от пос. Красногвардейское одноименного р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 70, 72] (рис. 1, 3, 4).

Ближайшими аналогами крымской клювовидной пряжки-пронизы с обозначенным ртом являются пряжки из Келермесских курганов 2—4, 24 [Галанина, 1997, табл. 22, рис. 87; 88; табл. 25, рис. 339; 347]. На территории Украинской Лесостепи учтено 25 подобных предметов, 20 из которых на Посулье, 1 — в Поворсклье, 4 — в бассейне Тясмина [Могилов, 2008, с. 69]. В.Р. Эрлих отмечает стилистическую близость клювовидных пронизей и птицеголовых скипетров предскифского времени с территории Кавказа [Эрлих, 1990, с. 249], что дает основание говорить об их кавказском происхождении и последующем распространении на территорию Крыма и Лесостепи. Таким образом, крымская клювовидная пронизь может быть отнесена ко второй половине VII в. до н. э.

Две пронизы в виде головы барана находят аналогии в Келермесских курганах 2—4, 2, 24 [Галанина, 1997, табл. 21, рис. 169, 170; табл. 22, рис. 270, 271, 232; табл. 23, рис. 291, 292; табл. 24, рис. 378, 379], а также в Лесостепи, где учтено 11 экземпляров: 5 — в Тясминской группе, 5 — в Посулье и 1 — в Западном Подолье [Могилов, 2008, с. 69]. Принимая во внимание морфологическую динамику данного типа изображений, крымские головки баранов, подвергшиеся явной схематизации по отношению к келермесским, необходимо относить к рубежу VII—VI вв. до н. э. либо к первой половине VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 475]. Обнаружение барановидных и, в особенности, клювовидной пряжки-пронизы в Крыму вписывает полуостров в общий контекст скифской архаики второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э., представленной Келермесскими курганами с одной стороны, и памятниками Посулья и Тясмина — с другой.

Еще одной группой архаических предметов с территории Крыма являются 4 *бронзовые бутероли, оформленные в виде головы хищной птицы* (рис. 1, 6—9). Они происходят: из урочища Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма), горных массивов Агармыш и Кубалач, с Александровки Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—42]. По аналогии с бутеролью из впускного захоронения Репяховатой Могилы, крымские наконечники ножен могут быть

датированы второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36], либо концом VII в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 295]. Исключение составляет бутероль из Александровки, являющаяся явной схематизацией и упрощением по отношению к аналогам, а потому относящаяся, скорее всего, к первой половине VI в. до н. э.

Большая часть аналогий крымским бутеролям, оформленным в виде головы хищной птицы, происходит с территории Кавказа и Предкавказья (15 экземпляров). При этом имеет смысл выделять бутероли с конусовидной втулкой, оканчивающейся закрученной, выступающей за ее пределы головкой (дигорско-чегемский тип), конусовидной втулкой, оканчивающейся ажурной, моделированной двумя или тремя полосами головкой (кобанский тип) и подпрямоугольной втулкой и вытянутой головкой с очень массивным клювом, продолжающей форму втулки (тип «Репяховатая Могила») ¹. Как было продемонстрировано в отдельной работе [Зимовец, 2016], лишь на территории Юго-Восточного Крыма встречены сразу два различных типа бутеролей — дигорско-чегемский и «Репяховатая Могила». При этом одна из бутеролей может быть рассмотрена как переходный вариант от дигорско-чегемского типа к типу «Репяховатая Могила» (конусовидная втулка, закрученная головка, но, в то же время, массивный клюв, большой выпуклый глаз). Бутероли типа «Репяховатая Могила» обнаружены только на территории Причерноморской Степи и Лесостепи ², на Кавказе они пока не встречены. При том, что родиной бутеролей в виде головы хищной птицы является, скорее всего, Кавказ и Предкавказье [Зимовец, 2016, с. 85], вполне допустимо, что именно Крым стал территорией формирования новой стилистики бутеролей, распространившейся на Северное Причерноморье, Приднестровье и Лесостепь.

Бронзовая бляха с двухфигурной композицией козы с козленком (?). Крайне интересно оформление бляхи — детали конской узды, обнаруженной между пос. Зуя и с. Ароматное Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 101—102] (рис. 1, 10; 2, 1). У животного — поджатые под туловище ноги, передняя нога лежит на задней. Туловище — массивное, с четко выделенным бедром. Короткая толстая шея плавно изогнута, по ее внешнему краю рубчиками условно показана шерсть. Голова животного слегка приподнята, смотрит вперед, глаз моделирован концентрическим кружком.

1. Схожий принцип классификации разработан Д.А. Топалом [2015].

2. Агармыш, Старый Крым, о-в Левке (Змеиный), Репяховатая Могила (Матусов), Ниспоренский р-н Молдовы, а также бутероль из фондов Харьковского исторического музея [Зимовец, 2016, с. 80; Топал, 2015, с. 66].

Рис. 2. Двухфигурные композиции в скифском зверином стиле: 1 — Крым; 2 — Аржан; 3 — Жаботин

Все изображение выполнено очень компактно: ноги плотно прилегают к туловищу, рог лежит на спине животного, ухо полностью заполняет пространство между шеей и оформленным рельефными валиками рогом.

Уникальность крымского изображения состоит в наличии в нижней части туловища и, частично, на шее еще одной головки, оформленной в той же манере, что и голова козла, но без рогов и с длинными стоячими ушами. Дополнительная головка органично вписана в первое изображение: большая ее часть выполняет роль лопатки основного изображения, морда немного заходит на туловище, а длинное лепестковой формы ухо расположено вдоль шеи. Видовую принадлежность второго животного определить сложно, но, скорее всего, здесь представлена коза с детенышем.

С точки зрения двухфигурного характера композиции нам известны лишь два изображения, происходящие с крайне удаленных друг от друга территорий. Первое — на хоро-

шо известных костяных бляшках и пластине из кургана 2 у с. Жаботин на юге Днепровской Правобережной Лесостепи, где представлены двухфигурные композиции, воплощающие, по мнению М.И. Вязьмитиной, лосиху с детенышем [Вязьмитина, 1963, с. 160] (рис. 2, 3). Второе — на «оленном» камне, обнаруженном у подножья горы Кош-Пей, в 2,5 км к востоку от поселка Аржан, где изображены две свернувшиеся пантеры, вписанные одна в другую (рис. 2, 2). Время жаботинского кургана 2 определяется, как правило, VII в. до н. э. [Ильинская, 1975, с. 71], при этом уже достаточно давно наметилась тенденция к удревнению этой даты вплоть до конца VIII в. до н. э. [Медведская, 1992, с. 87]. «Оленный» камень из окрестностей Аржана находчик и публикатор датирует концом IX — VIII вв. до н. э. по аналогии с изображением из «царского» кургана Аржан (бронзовая бляха свернувшегося хищника) [Марсадилов, 2005, с. 304].

По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, истоки жаботинской композиции «двухголовых животных» следует искать в луристанском искусстве. В качестве прототипов указываются бронзовые рукоятки точильных камней с конической втулкой, увенчанные двумя головками козлов, «вырастающих» из одного туловища [Погрехова, Раевский, с. 151, рис. 30, ж, с. 154]. Принимая во внимание эту важную аналогию, все-таки необходимо отметить, что в отличие от луристанского скифские изображения не *двухголовые*, а именно *двухфигурные*: наличие стремление мастера не просто изобразить дополнительную головку, но передать наличие полноценного дополнительного изображения, аналогичного, но меньшего (как по размеру, так и по возрасту) животного. Это достигается при помощи компактности композиции, органичного вписывания дополнительного образа в основную и стремлению к закругленности формы изображений. В жаботинском и крымском изображениях дополнительные фигуры как бы

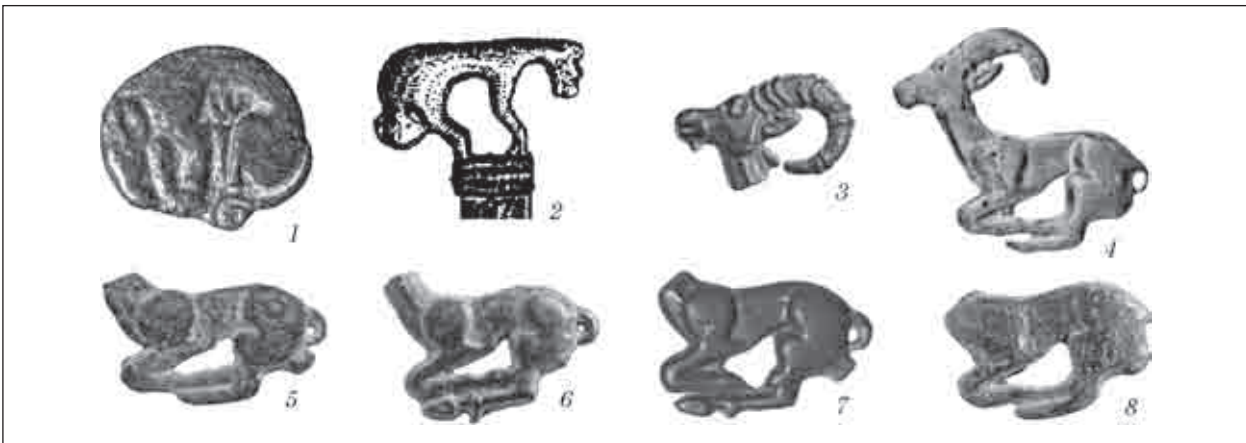

Рис. 3. Скифский звериного стиль Крыма VI в. до н. э.: 1 — с. Новопокровка Кировского р-на; 2 — Керчь; 3, 7 — окрестности с. Дивное; 4 — окрестности сс. Русское, Мелехово; 5, 6 — окрестности с. Богатое; 8 — окрестности сс. Сенное, Некрасово

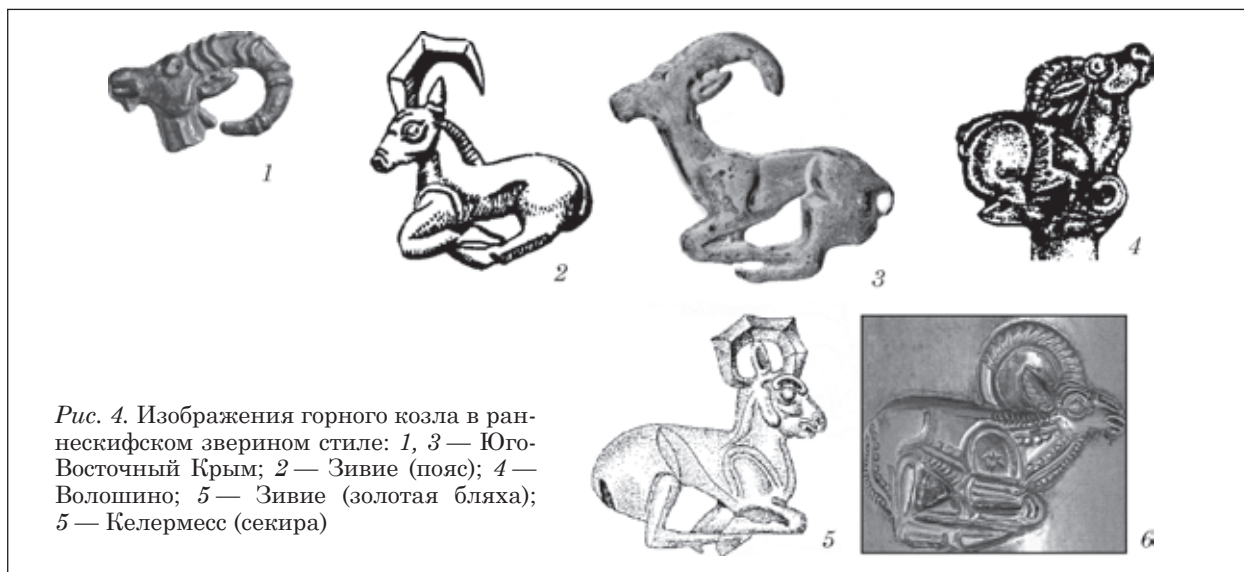

Рис. 4. Изображения горного козла в раннескифском зверином стиле: 1, 3 — Юго-Восточный Крым; 2 — Зивие (пояс); 4 — Волошино; 5 — Зивие (золотая бляха); 6 — Келермес (секира)

произрастают из основной, являясь естественно наложенными на нее. В аржанском такое наложение формально отсутствует: меньшая фигура просто помещена в контур большей, основной. Но в силу самой специфики композиции свернувшегося хищника такая двойственность вполне выглядит как наложение: меньшая фигура как-бы помещается «на фоне» основной и тем самым органично вписана в нее. Идея композиции, в которой меньший образ органично вписан в основной, не являясь при этом зооморфным превращением, объединяет все три раннескифских изображения и не находит художественных аналогий в луристанских рукоятках точильных камней. В связи с этим можно сделать вывод о самостоятельном характере рассматриваемой композиции в скифском искусстве и ее возможных истоках в саяно-алтайском регионе.

Если же «взять в скобки» двухфигурность, ближайшей аналогией крымской бляхе по иконографии и стилистике исполнения можно считать костяную булавку с зооморфным окончанием из женского погребения 1, кургана 1 группы II Волошинского могильника в Полтавской области (рис. 4, 4), которое авторы раскопок датируют первой половиной VII в. до н. э. [Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 53; рис. 6, 2]¹. Более отдаленная аналогия — бронзовая подвеска из погребения 1 Нижнечегемского могильника [Канторович, 2015, с. 1167]. По мнению А.Р. Канторовича, объединяющего

оба изображения в волошинско-чегемский тип, он «явно не местного происхождения, поскольку находит многочисленные соответствия в изображениях козла, лежащего с ногами внахлест, в более восточных зонах скифо-сибирского мира, в особенности в Южной Сибири» [Канторович, 2015, с. 930]. В то же время, исследователи волошинского погребения акцентировали внимание на переднеазиатских и келермесских аналогиях костяному изображению горного козла, происходящего из этого памятника [Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 56—59].

Учитывая крайне ограниченную серию двухфигурных изображений, вопрос об их прародине и генезисе пока не может быть решен окончательно. Бесспорно только то, что они представляют собой один из наиболее архаичных пластов скифского искусства звериного стиля, бытующего ограниченный период времени — в VII в. до н. э., возможно в первой его половине. Если принять «низкую» датировку «оленного» камня из Аржана, предложенную Л.С. Марсадоловым, тогда действительно, есть основания считать саяно-алтайский регион прародиной этого образа и общим истоком двухфигурных композиций. Также появляется еще один аргумент в подтверждение центральноазиатской концепции происхождения скифского звериного стиля и тезиса А.И Тереножкина о необходимости поиска прародины скифов в «глубинах Азии» [Тереножкин, 1961, с. 205]. В этой связи вполне вероятно, что датировка крымского изображения может быть отнесена к первой половине VII в. до н. э.

Бронзовые бляхи в виде фигуры горного козла с направленной вперед головой. С юго-востока полуострова (горный массив Кубалач) происходят 6 экземпляров бронзовых бляшек, на которых представлен горный козел в позе, аналогичной рассмотренному экземпляру, но уже без дополнительного изображения и исполненный в другой стилистике [Скорый, Зимовец,

1. Примечательно, что в этом же погребении была найдена костяная булавка, верхняя часть которой оканчивалась резным скульптурным изображением головки барана. На рукоятки булавки также имелся резной геометрический рельефный орнамент в виде равнобедренных треугольников, аналоги которого известны на жаботинских псалях, изделиях из Кармир-Блур и псалях из Самтавро, что и позволило авторам раскопок предложить такую раннюю датировку.

2014, с. 102—105] (рис. 3, 3—8). Несмотря на то, что целым является лишь одно изделие, а остальные 5 — фрагментированы (в 4 случаях это туловища без головы, а в одном — голова без туловища), однотипная стилистика исполнения сохранившихся фрагментов не оставляет сомнений в том, что все экземпляры передают образ горного козла, выполненный в единой манере¹. Все 6 изображений левосторонние, передняя нога лежит на задней. Туловище неширокое, поджарое. Ноги не прилегают к туловищу, а голова к шее, как в ранее рассмотренном экземпляре, благодаря чему данные изображения выглядят ажурными и как-бы облегченными. В 4 экземплярах хорошо проработаны рельефные бедро и лопатка. Шея относительно тонкая, немного наклонена вперед. В 3 экземплярах вдоль шеи проходит ребро, подчеркивающее ее двухплоскостную моделировку. Хвост передан небольшой петелькой с отверстием. В двух экземплярах под хвостом фигурок имеется выступ прямоугольной формы, скорее всего, — не удаленный литник. У единственного целого изображения голова смотрит прямо (рис. 3, 4; 4, 3), такая же позиция головы была, скорее всего, и у других экземпляров. У целого экземпляра голова проработана довольно условно. Обособленная же голова выполнена детально и высокохудожественно: глаз обозначен впадиной, окаймленной рельефным кружком, двумя параллельными рельефными валиками переданы губы животного, линией-впадиной между ними — рот, выделена борода (рис. 3, 3; 4, 1). Форма рога у обоих экземпляров с сохранившейся головой круглая либо подковообразная, имеет рельеф. Удлиненное лепестковой формы ухо расположено у основания рога, полностью заполняя открытое пространство между рогом и затылком.

Изображения горного козла с поджатыми ногами и направленной вперед головой редки в скифском зверином стиле Восточной Европы. Гораздо более распространенным является образ козла в жертвенной позе — с повернутой назад головой [Переводчикова, 1994, с. 91]. Полных аналогий на территории, как Восточной Европы, так и восточной «провинции» скифского звериного стиля крымским изображениям отыскать не удастся. С Нижнего Поднепровья и Прикубанья происходят 3 изображения козла, иконографически схожих с крымскими. Это золотая обивка сосуда из Испановой Могилы [Мозолевский, 1980, с. 146—148, рис. 83, 11], бронзовый нащечник из разрушенного комплекса у с. Шунтук [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 84] и парные бронзовые нащечники из ритуального комплекса 2 кургана 8 Уляпского могильника [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76]. Они вы-

делены А.Р. Канторовичем в отдельный испаново-уляпский тип середины V—IV в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 449—451]. Общие черты с крымскими фигурками имеют и изображения горных козлов из погребения 1 у с. Хошеутово в Нижнем Поволжье [Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232]. Однако все вышеприведенные аналогии существенно отличаются по стилистике исполнения от крымских экземпляров. Так, изображения из Испановой Могилы и Шунтука — более схематичные, в них отсутствует проработка ног, головы и деталей туловища. У уляпского изображения непропорционально большая голова, у шунтукского — ноги животного. У всех изображений — очень короткие шеи, что создает диспропорцию. В целом, манера их исполнения более условна и схематична, что свидетельствует о производном и более позднем характере данных изображений.

Более близкие аналогии, на наш взгляд, можно найти между рассматриваемыми крымскими изображениями и изображаемыми козла на поясе и золотой бляшке из Зивие (рис. 4, 2, 5), а также на знаменитой парадной секире из кургана 1/III Келермесского могильника [Алексеев, 2012, с. 74] (рис. 4, 6). Интересно, что если изображения из Зивие ажурны, изображения на келермесской секире сочетают в себе ажурность (изображение рога, уха) и компактность (достаточно плотно прижатые к туловищу ноги), что делает их близкими, как рассматриваемым однотипным изображениям, так и крымскому изображению козла (козы) в двухфигурной композиции. Изображения горного козла с направленной вперед головой хорошо известны по луристанским бронзам (II — начало I тыс. до н. э.) и печатям типа Керкук середины II тыс. до н. э. «Причем на печатях эта поза объясняется всей композицией: козлы с подогнутыми ногами обычно даны по бокам священного дерева, они как бы поклоняются ему. На Ближнем Востоке эти изображения уходят в глубокую древность...» [Членова, 1967, с. 125, с. 282, табл. 32]. Можно проследить более или менее непрерывное развитие образа горного козла от ранних переднеазиатских образцов, через изображения из Зивие, к Келермесу и, далее, к крымским и волошинскому экземплярам.

Несмотря на относительную редкость изображения горного козла в Северном Причерноморье, необходимо отметить важность этого образа в мировоззрении скифов эпохи архаики. Не кажется случайным тот факт, что самые ранние изделия греческой керамики, найденные в раннескифских захоронениях и на городищах раннескифского времени (ойнохой с Темир-горы, фрагмент кувшина из кургана у села Болтышка, фрагменты ойнохой с Немировского и Трахтемировского городищ) также несут на себе изображения горного козла. Видимо этот образ был настолько востребован ранними скифами, что даже чисто греческие

1. Более детально о данной серии однотипных изображений, а также о возможных причинах их преднамеренного повреждения [Скорый, Зимовец, 2015].

изображения этого животного заимствовались ими, в том числе для использования в ритуальной практике.

Стилистическая однотипность 6 крымских изображений, проявляющаяся в целом ряде характеристик и деталей (пропорции, передача ног, бедра и лопатки, форма хвоста, рога, наличие не удаленного литника либо его следов) свидетельствует об одной художественной школе, в рамках которой они создавались. Поскольку изображения в этой стилистике встречены только в Крыму, вполне оправдано говорить о локальном крымском варианте образа горного козла с направленной вперед головой, явившегося результатом переработки переднеазиатских и келермесских образцов. В пользу архаичного характера крымских изображений свидетельствуют такие детали, как выделение лопатки и моделировка шеи двумя сходящимися плоскостями [Канторович, 1995, с. 49], выделение скулы и щеки. Учитывая определенную стилизацию крымских изображений по отношению к переднеазиатским и келермесским прототипам, их можно датировать широкими рамками рубежа VII—VI — VI в. до н. э.¹

Бляхи в виде свернувшегося хищника. В Крыму хорошо представлены все массовые типы этого образа, от самого архаического темиргорского до эллинизированного ак-бурунского². К эпохе архаики можно отнести два изображения — темиргорское и новопокровское. Еще одно изображение — кулаковское — относится к рубежу архаики — началу классического времени. Аналогии темиргорского кошачьего хищника сосредоточены, в основном, на территории Предкавказья (22 экземпляра), в том числе в Келермесских курганах (9 экземпляров) [Канторович, 2015, с. 1088—1090]. Еще 4 экземпляра происходят с территории Среднего (Дарьевка, Волковцы, Яблоновка) и Нижнего (Константиновка) Поднепровья, 1 экземпляр — с Подонья (Новоалександровка). При этом приднепровские изображения из Волковцов и Яблоновки стоят, по мнению А.Р. Канторовича, в конце эволюционного ряда данного типа, на грани другого морфологического типа, к которому относятся изображения из погребения 3, кургана 2, у с. Долинное (курган Кулаковского) и Пантикапея [Канторович, 2015, с. 95].

Последние, в отличие от темиргорского изображения и его аналогий, скорее всего, передают образ волка: морда хищника вытянута и узкая, туловище — узкое, поджарое, отсутствует кольчатость в трактовке лап и кончика хвоста, появляются ажурность и зооморфные

1. В связи с этим мы вынуждены скорректировать датировку, предложенную в первой публикации указанной серии блях [Скорый, Зимовец, 2014, с. 102—105].

2. Не представлен в данной статье, т. к. надежно датируется V в. до н. э.

трансформации. Большая и малая бронзовые бляхи из кургана Кулаковского относятся ко второй половине VI — рубежу VI—V вв. до н. э. [Яковенко, 1976а, с. 130], либо же к концу VI — первой половине V в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 104] (рис. 5, 1, 2). В состав изображений двух свернувшихся хищников входят дополнительные образы: голова лося и козел с головой, повернутой назад (большая бронзовая бляха) и голова лося (малая бронзовая бляха). Еще одно оригинальное изображение свернувшегося хищника, тиражированное на 3 бляхах, происходит из конского погребения в Пантикапее [Толстикова, 2011, с. 265—267] (рис. 5, 3). К этому же типу относится и хищник на фрагментированной (бракованной?) бляхе из Белогорского района Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 83—84] (рис. 5, 4). География этого типа свернувшегося хищника, по отношению к предыдущему существенно смещается на запад: с территории Предкавказья происходит лишь 5 из 21 аналогичного изображения, с территории Крыма — 3, с Подонья — 4, остальные — с территории Поднепровья и Побужья: Ковалевка, Томаковка, Новые Раскайцы (Правобережная часть Северного Причерноморья), Журовка, Макеевка (Лесостепное Правобережье), Басовка, Кнышевка, Протопоповка, Енковцы (Лесостепное Левобережье). По мнению Э.В. Яковенко, образ волчьего хищника заимствуется скифами из ананьинского искусства через посредство савроматских племен, однако на территории Скифии и, в особенности, Крыма, он перерабатывается под влиянием античных мастеров, привносящих в образ черты ажурности и натурализма [Яковенко, 1976а, с. 130]. По А.И. Шкурко, среднедонские изображения имеют явно вторичный и подражательный характер по отношению к поднепровским [Шкурко, 1976, с. 99, 101; рис. 3]. А.Р. Канторович полагает, что данный тип изображения сформировался, скорее всего, в Приднепровской Степи, с последующим заимствованием в Лесостепи и копированием в Подонье. Таким образом, механизм передачи «савроматского» образа на территорию Скифии остается не вполне ясным. Мы находим его уже в сформированном виде на территории Степного Причерноморья (включая Крым) и с некоторыми признаками античного влияния (дополнительное декорирование, изображение гениталий у кулаковского хищника).

Аналогии еще одного изображения свернувшегося хищника из Новопокровки Кировского р-на Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 108—109] вообще не встречаются в Предкавказье (рис. 3, 1). Большинство из них происходят с территории степного и лесостепного Левобережного Поднепровья: Мелитопольского уезда, Гусарки, Опишлянки, Волковцов, Басовки. Лишь по одному изображению — из Ольвии и Нижнего Подонья. Два изображения также об-

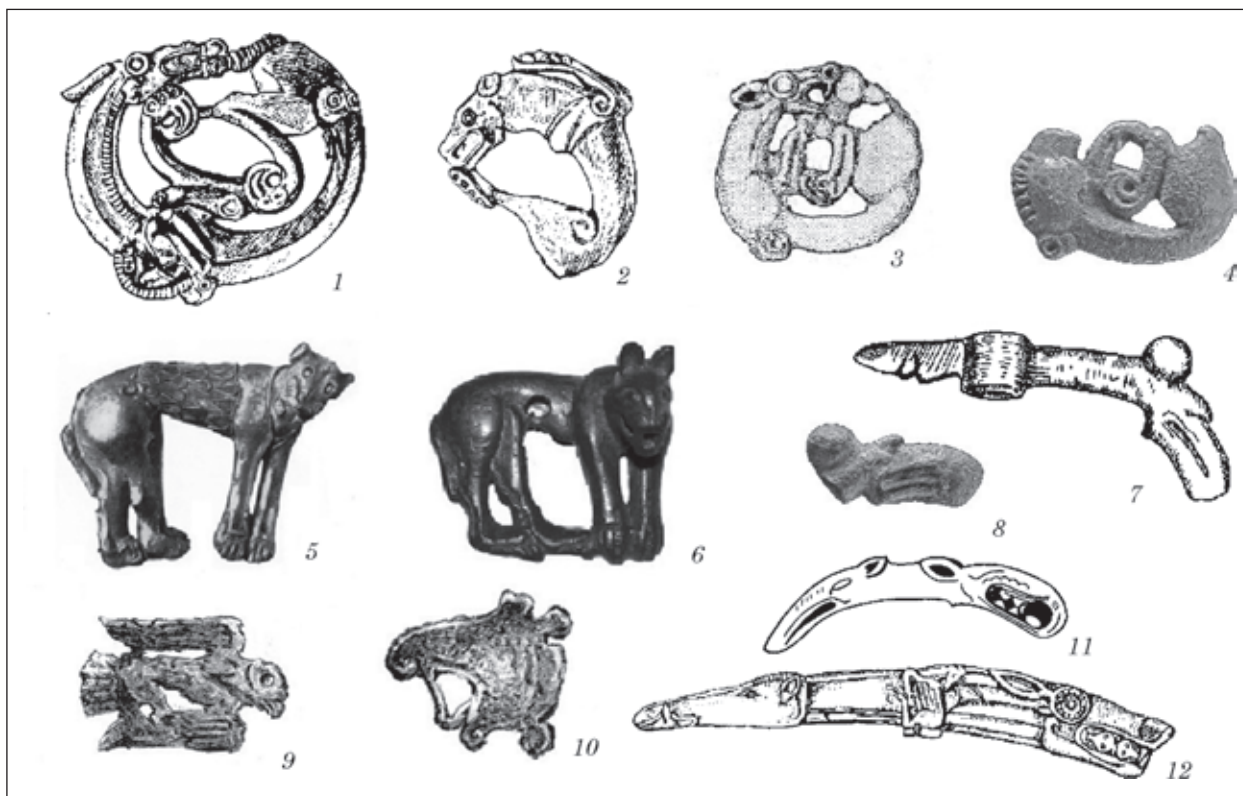

Рис. 5. Скифський звериний стиль Криму кінця VI — початку або першої половини V в. до н. е.: 1, 2, 7 — курган Кулаковського; 3, 6 — Пантикапей; 4 — між пос. Зуя, Ароматне Белогорського р-на; 5, 9, 10 — Золотий курган; 8 — між пос. Айвазовське, Приветне Кіровського р-на; 11 — ім'я Талаєвої; 12 — Керчь

наружены на территории Румынии, одно — в Нижнем Поволжье (могильник Аксай-1). Данный образ размещается, преимущественно, на крестовидных бляхах, но также известен и на отдельных изделиях (Басовка, Мелитопольский уезд). Изображение является чем-то средним между свернувшимся и согнутым в лапах хищником. Исследователи уже обращали внимание на преемственность данного образа по отношению к схеме стоящих на полусогнутых ногах кошачьих хищников типа Келермесской пантеры, верхней части рукояти зеркал «ольвийского типа» [Капошина, 1956, с. 178—179] и даже по отношению к «аржано-казахстанским образам», в частности хищникам, представленным на кинжалах из кургана Аржан-II [Поллидович, 2010, с. 221]. Время бытования этих изображений — вторая половина VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 145].

Еще одним изделием «ольвийского» типа является изображение хищника на бронзовой рукояти зеркала из Керчи [Кузнецова, 2002, табл. 81, кат. 252] (рис. 3, 2). Всего учтено 21 аналогичное изображение, происходящее с территории Нижнего Побужья и Поднепровья (7), Среднего Поднепровья (2), Подолья (1), Приазовья (1), Прикубанья (8), Центрального Предкавказья (2) [Канторович, 2015, с. 140]. При этом крымское изображение относится к более позднему типу данных изображений, для которых характерно упрощение и схематизация

и датируется второй половиной VI в. до н. э. Именно этот тип изображений широко встречается как собственно в Скифии, так и за ее пределами: в Предкавказье, Поволжье, Центральной Европе [Кузнецова, 2002, с. 323—328].

Фрагментированный топорик-скипетр, оформленный в виде головы хищной птицы и ноги неопределенного копытного был обнаружен в Кировском р-не Крима [Скорый, Зимовец, 2014, с. 135—136]. От него сохранился лишь «клинок» в виде скульптурной головы хищной птицы с массивным клювом и гиперболизированным шаровидным глазом (рис. 5, 8). Однако почти полная идентичность фрагмента «клинка» целого экземпляра из кургана Кулаковского (рис. 5, 7) позволяет также датировать его второй половиной VI — рубежом VI — V вв. до н. э., либо концом VI — первой половиной V в. до н. э. и отнести к очень ограниченной серии топориков (всего 4 экз.), в оформлении которых сочетается изображение головы хищной птицы («клинковая» часть) и неопределенного копытного (обушная часть). Известны всего лишь две аналогии двум крымским топорикам-скипетрам из кургана Кулаковского и Кировского р-на: из северокавказского аула Тауйхабль [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 55] и Левобережной Лесостепи (Посулье) [Яковенко, 1976а, с. 132]. Однако оба крымских экземпляра характеризуются более короткой клинковой частью, что делает их крайне схожими между собой.

Концом VI — первой половиной V в. до н. э. датируются две подвески из клыка кабана, украшенные изображениями головы кабана и волчьего хищника: из кургана 3 имения Талаевой [Яковенко, 1976а, с. 131—132] и из разрушенного погребения около Керчи [Королькова, 2006, табл. 64, 1], (рис. 5, 11, 12). Роговые подвески и их бронзовые имитации, оформленные в виде голов животных (как правило, хищника и птицы) находят многочисленные аналогии в Поволжье и Южном Приуралье (курган Blumenфельда, Пятимры-1, Мечет-Сай), с одной стороны, и в Приднепровской Лесостепи (Пастырское, Медерово, Журовка, Макеевка, Гуляйгород, Роменский уезд), с другой [Королькова, с. 227—231, табл., 60—64]. Сюжеты, распространенные на крымских и поднепровских клыках, скорее всего, были позаимствованы из ананьинского искусства посредством савроматских племен [Яковенко, 1969, с. 206]. Этим сюжетам присущи определенные локальные особенности. Так, для приднепровских клыков это, преимущественно, сочетание головы птицы (узкая часть) с головой волчьего хищника (широкая часть), либо изображение головы хищной птицы в сочетании с дополнительной орнаментацией, в которую могут входить и зооморфные изображения. Исключение составляет клык из Национального музея истории Украины, на котором изображены фасы голов, судя по всему медведя. Сюжетные композиции савроматских клыков более разнообразны, кроме птиц и волчьих в них присутствуют кошачьи хищники и даже копытные (олени), что косвенно подтверждает их генетическую приоритетность. В крымских же изображениях узкий конец клыка оформлен в виде головы кабана, весьма популярного в Крыму сюжета и в более позднюю эпоху скифской классики [Скорый, Зимовец, 2014, с. 105—108, 156], что, в свою очередь, может свидетельствовать о местных особенностях интерпретации данного образа. Из 77 известных кабаньих клыков и их имитаций на пространстве от Алтая до Восточной Европы известны лишь 4 изображения кабана. Помимо крымских, это клык с городища Глубокая Пристань (Нижнее Побужье, хора Ольвии) и с разрушенного погребения у села Новопривольное (Нижнее Поволжье) [Королькова, 2006, с. 249—250].

В Золотом кургане представлены образы в специфической стилистике, указывающей на переход от архаики к классике, сопровождавшийся усилением влияния греческого искусства. Все они относятся к концу VI — началу V в. до н. э. [Алексеев, 2003, рис. 26, 14]. География их аналогий практически полностью замыкается в пределах Скифии. Поясная бляха в виде полнофигурного изображения птицы с распрямленными крыльями и с повернутой в профиль головой [ИТУАК, 1891, рис. 12; 13] (рис. 5, 9) имеет ограниченный круг аналогий, происхо-

дящих из Центрального Поднепровья — Мельгуновский курган, Журовка, Старый Мерчик; Нижнего Поднепровья — Солоха; Предкавказья и Кавказа — Краснодарский край, Красноямацкий могильник, могильник Вани (птицы из последних 2 памятников выполнены, преимущественно, в греческой манере и практически лишены черт скифского звериного стиля). При этом крымская птица занимает среднюю хронологическую позицию между самыми ранними экземплярами из Мельгуновского кургана (вторая половина VII в. до н. э.) и более поздними изображениями из Солохи (конец V в. до н. э.). Еще более ограниченной является серия блях в виде головы грифона с открытой пастью и ломаным языком [ИТУАК, 1891, рис. 12; 13] (рис. 5, 10). Эти изображения передают мотив редуцированного позднегреческого грифона, хотя исследователи не исключают возможность формирования данного образа и в скифской среде, в результате контаминации профильных голов львов и хищных птиц. Кроме крымского, в нее входят изображения из Грищенец, Берестняг, Журовки и Ольвии. Наконец, имеется всего 2 аналогии крымским полнофигурным изображениям кошачьих хищников со «свисающими» передними лапами из Золотого кургана [ИТУАК, 1891, с. 148, рис. 8] и Пантикапея [Островерхов, Охотников, 1989, рис. 1, 1] (рис. 5, 5, 6), происходящие из Среднего Поднепровья (Журовка и Макеевка). При этом поднепровские «пантеры» выделяются схематизмом и утратой ряда мелких деталей, что говорит об их подражательном характере и генеалогическом приоритете крымских изображений. Кроме того, сама композиция крымских кошачьих хищников, а также наличие на «пантере» из Золотого кургана специальных гнезд для цветных вставок свидетельствуют в пользу серьезного греческого влияния на формирование этого образа. Исследователи склонны считать обе крымские бляхи произведениями «боспорской школы» звериного стиля [Островерхов, Охотников, 1995, с. 52].

2. ГЕОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОБРАЗОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МИГРАЦИЙ РАННИХ СКИФОВ

Картографирование мест обнаружения предметов в зверином стиле архаического времени указывает на места их концентрации, коими являются: восточная часть Керченского полуострова (9), Предгорье Центрального Крыма (10) и Предгорье Юго-Восточного Крыма (10). Единичные экземпляры обнаружены в Центральной и Юго-Восточной Степи (3) (рис. 6).

При анализе всей совокупности архаических образов с территории Крыма, в первую очередь заслуживает внимания факт их достаточно

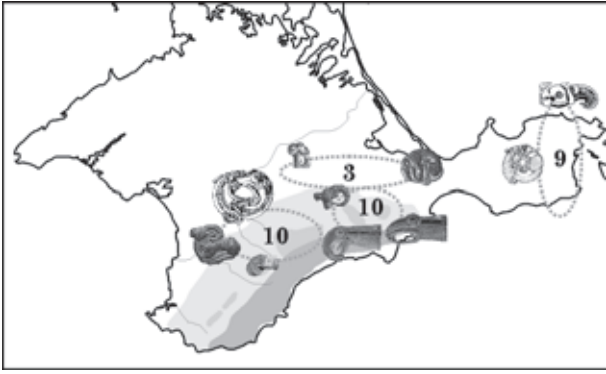

Рис. 6. Микрорегионы концентрации предметов скифского звериного стиля эпохи архаики в Крыму: Керченский полуостров, Юго-Восточное Предгорье, Центральное Предгорье, Степь. Цифрами обозначено количество находок

большой количественной представленности. К VII — рубежу VII—VI либо первой половине VI в. до н. э. можно отнести уже не только единичные темиргорские изображения, но и серии пряжек-пронизей (3 экземпляра), бутеролей (4 экземпляра). Что касается двухфигурной композиции козы с козленком то, как уже говорилось выше, по стилистическим признакам и всего лишь двум композиционным аналогиям она может быть отнесена к первой половине VII в. до н. э. Еще большее количество изображений (12 на 14 предметах) можно отнести к концу VI — началу либо первой половине V в. до н. э. Число же изображений, уверенно относимых к середине — второй половине VI в. до н. э. несколько меньше, чем в предшествующей и последующей хронологических группах (8 изображений).

Увеличение общей совокупности архаических предметов, выполненных в зверином стиле, несколько меняет наши представления о присутствии скифов на территории Крыма. Очевидно, что кочевания ранних скифов были не такими уж малочисленным и тем более не единичными, как представлялось ранее. Это относится как ко времени переднеазиатских походов (середина — вторая половина VII в. до н. э.) — выделяемая исследователями «первая волна» скифских мигрантов [Скорый, 2003, с. 88], так и, в еще большей степени, ко времени после походов (рубеж VII — VI, начало VI вв. до н. э. Более того, уже в «походное» время проникновение скифов на полуостров не ограничивалось только лишь территорией Степного (Восточного и Северного) Крыма, но затронуло и Предгорье, о чем свидетельствует бляха с двухфигурной композицией и клювовидная пронизь. После походов количество скифов в Крыму, вероятно, увеличивается, о чем свидетельствуют, как рассмотренные предметы звериного стиля (бутероли в виде головы хищной птицы, бляшки в виде горного козла с направленной вперед головой), так и предме-

ты вооружения — клинковое оружие, наконечники стрел [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19—53]. Увеличение предметов звериного стиля архаического облика в Крыму не должно нас удивлять, учитывая, что, по Геродоту, эта территория была освоена скифами еще в «допоходное время», а «возвращение» из походов напрямую связано с ним.

В середине — второй половине VI в. до н. э. происходит уменьшение количества предметов, выполненных в зверином стиле, а также сокращение репертуара образов. Если образ горного козла, с направленной вперед головой продолжает свое развитие (серия из 6 однотипных блях), то бутероли в виде головы хищной птицы, клювовидные и барановидные пряжки-пронизы выходят из употребления. Также больше не встречается образ бараноптицы и свернувшийся хищник келермесско-яблоновского типа. Определенный упадок скифского звериного стиля во второй половине VI в. до н. э. наблюдается и в Лесостепи [Шкурко, 2000, с. 36], что свидетельствует об общности проходивших в то время культурных процессов на обширных территориях Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья. В то же время, в единичных экземплярах появляются 2 новых типа хищника: свернувшийся кошачий из Новопокровки и стоящая на «полусогнутых» ногах «пантера» из разрушенного погребения близ Керчи. Время их бытования довольно узкое — вторая половина VI в. до н. э. Ю.Б. Полидович полагает, что рассматриваемый образ кошачьего хищника сложился под влиянием аржано-казахстанской изобразительной традиции и, скорее всего, был связан с волной мигрантов, принесших изобразительное новаторство [Полидович, 2010, с. 222].

Наконец, на рубеже архаики и классики появляется целый ряд новых образов, знаменующих собой практически полную смену репертуара звериного стиля: свернувшийся волчий хищник, редуцированные образы волчьего хищника (на клыках-подвесках), грифона, кабана. Под влиянием греческого искусства существенно меняется стилистика изображения кошачьих хищников («пантерь») со «свисающими» лапами из Золотого кургана и Пантикапея). Позднее, уже в V в. до н. э., в репертуар скифского звериного стиля Крыма добавится образ лося — редуцированного либо в жертвенной позе — и оленя. Последний не зафиксирован в скифской архаике Крыма, что нуждается в отдельном объяснении, хотя нельзя сбрасывать со счетов и неполноту источников. В целом, такая смена репертуара характерна для всей Скифии конца VI — начала V в. до н. э., и ее можно связать с появлением новой волны кочевников в Причерноморье и Лесостепи [Алексеев, 2003, 168—192], а также с усилением влияния на скифский звериный стиль греческого искусства.

Вторым важным выводом из приведенного анализа является наличие аналогий крымским изделиям в Предкавказье и на Кавказе, с одной стороны, и в Левобережной и Правобережной Скифии (преимущественно лесостепной), с другой. Это справедливо как для хорошо известных образов так и для экземпляров, относительно недавно введенных в научный оборот, что свидетельствует о единстве репертуарного ядра архаических скифских образов на территории Предкавказья и Скифии. При этом, чем ближе к классической эпохе, тем меньше становится пропорция кавказских аналогий и увеличивается доля аналогий, происходящих с территории Лесостепного Поднепровья. Это можно объяснить как более активным освоением скифами Степного и Лесостепного Поднепровья, т. е. физическим исходом значительной массы населения с Кавказа, так и началом производства предметов в скифском зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья и на поселениях Лесостепи.

Все крымские образы, за исключением двухфигурной композиции козы с козленком, принадлежат так называемому сакизско-келермесскому кругу [Шкурко, 2000, с. 306], сформировавшемуся в условиях прямых контактов с древневосточным искусством, в основном во время переднеазиатских походов. Наиболее древние из них находят аналогии на Левобережье. Это образ бараноптицы (Темир-гора, Семеновка, Бельск, Волковцы), дополнительные изображения копытного на клюве бараноптицы (Новозаведенное II, Темир-гора, посульские псалии) и дополнительные изображения зайца в основании клюва (Темир-гора, Бельск, Волковцы), клювовидные и барановидные пряжки-пронизы (Келермес, Центральный и Юго-Восточный Крым, Посулье, Поворсклье), образ горного козла с направленной вперед головой (Центральный Крым, Поворсклье), бронзовые топорики-скипетры с головой хищной птицы и копытом неопределенного животного (Тауйхабль, Юго-Восточный Крым, Центральный Крым, Волковцы). Правобережные аналоги представлены бутеролями, оформленными в виде головы хищной птицы (Кавказ и Предкавказье, Юго-Восточный Крым, Северо-Западное Причерноморье, Поднепровье, Правобережная Лесостепь), клювовидными и барановидными пряжками пронизями (Келермес, Центральный и Юго-Восточный Крым, Тясмин).

Характер взаимосвязи двухфигурных композиций козы с козленком из Зуи-Ароматного, лосихи с лосенком из Жаботина и пантер из Аржана является, на наш взгляд, наиболее интригующим вопросом, остающимся пока без окончательного ответа. Можно ли считать аржанское изображение общим истоком двухфигурных композиций, как жаботинской, так и крымской? В этом случае было бы логично говорить о некоем прямом саяно-алтайском им-

пульсе на территорию Восточной Европы, связанном с одной из самых ранних миграционных волн, возможно еще в «допоходное» время. Пока же можно лишь констатировать факт наличия в очень вытянутом на восток треугольнике Аржан—Жаботин—Центральный Крым композиционно сходных изображений, относящихся к древнейшему пласту скифского искусства.

Также требует дальнейшего исследования и географическая динамика образа свернувшегося хищника. Так, для самого раннего, келермесско-яблоновского типа, к которому относится и темиргорское изображение, местом основной концентрации является Предкавказье (Келермесские курганы) и Кавказ, откуда он, скорее всего, и проник в Поднепровье через территорию Крыма. Что касается свернувшегося волчьего хищника из кургана Кулаковского, Пантикапея и Белогорского района, то, несмотря на его возможную савроматскую и ананьинскую генеалогию, местом формирования данного типа является, судя по археологическим материалам, Причерноморская Степь, вполне возможно — Крым (учитывая влияние античного искусства на иконографию кулаковской большой бляхи). Образы, обнаруженные в Предкавказье и на Среднем Дону, имеют уже явно подражательный, вторичный характер и их количество относительно невелико.

Отдельная бляха с изображением свернувшегося кошачьего хищника из Новопокровки является третьей из известных на данный момент, при этом остальные обнаружены только на Левобережье (Мелитопольский уезд, Басовка). Однако аналогичные изображения свернувшегося кошачьего входят в композиции крестовидных блях, происходящих с Левобережья, Карпато-Дунайского региона, Ольвии, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Прикамья [Полидович, 2000, с. 35—38]. При этом наибольшее сходство с новопокровским хищником наблюдается на бляхах с Левобережья (Гусарка, Опишлянка, Волковцы), Ольвии, Нижнего Подонья (Дугино) и Нижнего Поволжья (могильник Аксай). Традиционно, крестовидные бляхи связывались с ольвийским производственным центром [Фурманская, 1963, с. 63—65]. Однако со временем эта версия встретила аргументированную критику [Ольговский, 1995; 2014, с. 207—248; Полидович, 2000]. Результаты нашей картографии подтверждают, скорее, выводы С.Я. Ольговского и Ю.Б. Полидовича о том, что происхождение крестовидных блях можно связать с территорией Левобережной Лесостепи и нет доказательств в пользу их ольвийского происхождения. Как нам представляется, решение этого вопроса во многом будет зависеть от выяснения генезиса образа свернувшегося хищника, в частности, являются ли одиночные бляхи с этим изображением генетически приоритетными по отношению к сложным композициям ольвийских блях. Тот

Рис. 7. Основные маршруты раннескифских миграций

факт, что большинство образов, изображенных на крестовидных бляхах — голова хищной птицы, барана, полнофигурные хищники — находят аналогии в отдельных изображениях более раннего этапа архаического периода с территории Лесостепи и Казахстана [Полидович, 2000, с. 42], свидетельствует в пользу синтетического характера этих изделий.

В свете приведенных соображений, общий вопрос о контактах ранних скифов Крыма с Ольвией остается открытым. В то же время, концентрация зеркал «ольвийского» типа на территории Нижнего Побужья и Поднепровья очевидна. И находка пантеры — окончания ручки зеркала «ольвийского» типа в Керчи — как будто бы может свидетельствовать о наличии таких контактов во второй половине — конце VI в. до н. э. Во всяком случае, более поздний материал — V в. до н. э. — свидетельствует в пользу присутствия устойчивых связей крымских скифов с ольвийским производственным центром [Скорый, Зимовец, 2014, с. 163].

Таким образом, в результате проведенного анализа, есть все основания полагать, что Крымский полуостров был основным путем продвижения ранних скифов с территорий Кавказа и Предкавказья в Северное Причерноморье и Приднепровскую Лесостепь. Речь идет, во-первых, о «походном» времени — второй—третьей четверти VII в. до н. э. (темиргорские изображения, клювовидная пронизь). Во-вторых, о периоде рубежа VII—VI — начале VI в. до н. э., «возвращении» (бутероли, барановидные пронизи, однотипные бляхи горных козлов). В-третьих, о времени перехода от архаики к классике — новая миграционная волна (?) конца VI — начала V в. до н. э. (свернувшийся волчий хищник, клыки-подвески, образы головы грифона и пантеры со «свисающими» лапами).

Важно отметить, что на Нижнем Дону, где также мог пролегать один из основных путей миграции скифов с востока в Северное Причерноморье и Лесостепь, пока не известны ни клювовидные и барановидные пряжки-пронизи, ни бутероли в виде головы хищной птицы, также как и образ козла, с направленной вперед головой¹. Что касается нижнедонских костяных налучий в виде головы бараноптицы и хищной птицы (Дюнный, Высочино, Новоалександровка-1), то их стилистика существенно отличается от линии Новозаведенное—Семеновка—Бельск—Волковцы и свидетельствует, скорее, в пользу некоей локальной и упрощенной интерпретации.

Принимая во внимание приведенные ранее методологические соображения о значении предметов звериного стиля как маркеров миграционных процессов в эпоху архаики, картографирование мест обнаружения описанных выше артефактов, на наш взгляд, хорошо маркирует маршрут продвижения ранних скифов из Предкавказья в Лесостепь (рис. 7). Он проходил через Керченский пролив, Керченский полуостров, Степной Крым, Перекоп далее, вероятно, разделяясь на Причерноморский, который вел через одну из многочисленных переправ на Нижнем Днепре² на запад, в сторону Фракии («торный путь» Э.В. Яковенко) и Приднепровский. Последний, в свою очередь, разделялся на Правобережный, проходивший, вероятно, через Никопольскую или Кичкаскую переправу и далее, по Правобережью вплоть до тясминского

1. Одна клювовидная пряжка-пронизь, отличающаяся по типу от рассматриваемых, происходит со Среднего Дона — кургана 2 у с. Владимировка [Могилев, 2008, рис. 129, 15].

2. Г.Л. де Боплан упоминает 5 переправ, существовавших «от Кичкаса до Очакова» [Боплан, 1990, с. 43].

куста памятников (именно этот путь в более позднее время получил название «соляного шляха», по которому чумацкие обозы доставляли соль с берегов Сиваша в Лесостепную Украину [Літопис ..., 1990, с. 570]) и Левобережный, шедший по левому берегу в направлении Поворскля и Посулья. Кстати, одно из ответвлений «соляного шляха» проходило по левому берегу до Каховки, а оттуда степью на Перекоп [Болтрик, 1990, с. 39]. Обе ветки «соляного шляха» были наиболее короткими маршрутами, соединявшими Крым с Лесостепью. По мнению Ю.В. Болтрика, именно на основных направлениях сухопутных коммуникаций, в более позднее время, были сооружены такие курганы, как Огуз, Козел, Солоха, Чертомлык [Болтрик, 1990, с. 38]. При этом, безусловно, нельзя исключать, что маршрут через Нижнее Подонье также существовал¹. Просто, судя по доступному на данный момент материалу скифского звериного стиля, если им и пользовались для проникновения в Приднепровскую Степь и Лесостепь в раннескифское время, то намного реже.

В связи с высказанными аргументами относительно интенсивности и географии пребывания ранних скифов в Крыму, становится сомнительным тезис Т.Н. Троицкой о существовании резких культурных различий между Центральным Крымом и Керченским полуостровом в эпоху архаики, а также гипотеза о том, что в это время проникновение скифов в Центральный Крым происходило исключительно из Причерноморских Степей, через Перекопский перешеек. Культурные отличия между ранними памятниками востока и центра полуострова связаны с двумя разновременными волнами мигрантов. При этом представители первой, «походной» волны, как мы попытались продемонстрировать, также присутствовала в центре полуострова. И обе волны проникали в Крым через Керченский пролив и полуостров.

Картографирование крымских предметов звериного стиля и их аналогий подтверждает гипотезу Э.В. Яковенко о существовании пути (по крайней мере, в скифское время), соединявшего Предкавказье, Приднепровскую Степь и Лесостепь и проходившего через территорию Крыма. Также подтверждается гипотеза М.Ю. Вахтиной и ряда исследователей о том, что через район Восточного Крыма в эпоху архаики проходил путь регулярных миграций скифов, связывавших Степное Поднепровье и Кубань. Однако в контексте приведенного выше материала, данный тезис нуждается в двух существенных дополнениях.

Во-первых, путь миграций связывал с Предкавказьем не только Степное, но и Лесостепное Поднепровье, в котором и обнаружено боль-

шинство аналогий предметам из Предкавказья и Крыма. Особенно устойчивая связь наблюдается между Предкавказьем, Крымом и Лесостепным Левобережьем: начиная с ранней архаики (образ бараноптицы) и заканчивая рубежом архаики и классики (топорики-скипетры) мы видим очень близкие аналогии. Впоследствии, в эпоху классики, можно также наблюдать ряд впечатляющих аналогий между крымскими и левобережно-лесостепными предметами звериного стиля [Скорый, Зимовец, 2014, с. 162], что подтверждает гипотезу существования в скифское время устойчивого левобережного маршрута из Крыма в Лесостепь.

Во-вторых, уже в архаическое время Крым был не только транзитной территорией, но и местом постоянного пребывания определенной части скифов, о чем свидетельствуют архаические предметы из Предгорья и Степи, концентрация бутеролей (при том, что определенный их тип — «Репяховатая Могила» — вероятно, мог и появиться на этой территории) и, конечно же, локальные особенности крымского звериного стиля (однотипные изображения горного козла с направленной вперед головой). Это пребывание фиксируется уже в «походное» время. После походов, численность скифов в Крыму увеличивается.

В связи со вторым дополнением отдельного внимания заслуживает тот факт, что значительная часть предметов скифского звериного стиля архаической эпохи (те же бляхи с изображением горного козла, с направленной вперед головой, бутероли) концентрируется в Центральном и Восточном Предгорье. На наш взгляд, даже учитывая случайный характер многих находок, в таком сосредоточении проявляется определенная закономерность, которая может быть объяснена двумя причинами, не исключаящими друг друга. Во-первых, столкновением скифов с автохтонными горцами — таврами во время освоения территории полуострова во второй половине VII — VI вв. до н. э. Во-вторых, межскифские столкновения, нашедшие отражение в эпосе Геродота о борьбе вернувшихся из переднеазиатских походов скифов и потомков слепых рабов в начале VI в. до н. э. Обоснование первой гипотезы было изложено в специальной статье [Скорый, Зимовец, 2015а] и базировалось на следующих аргументах: следы битв (наконечники стрел), большое количество потерянного оружия и предметов конской упряжи в юго-восточной и центральной части Предгорья, длительный характер противостояния (вся эпоха архаики вплоть до окончания скифо-персидской войны). Второе обоснование высказано С.Г. Колтуховым и основано на территориальной близости мест концентрации клинкового оружия (Кировский р-н) и предполагаемого рва, выкопанного потомками рабов (Ак-Монайский перешеек) [Колтухов, 2014, с. 127]. Однако не стоит забы-

1. В средневековье известен «залозный шлях», шедший с Левобережной Лесостепи в Нижнее Подонье [Літопис ..., 1989, с. 551].

вать и версию, высказанную В.С. Ольховским и И.Н. Храпуновым. Геродотовское сказание о потомках слепых рабов вполне могло быть мифологизированной передачей реального процесса смешения скифов и кизил-кобинцев, проходившего в VII — начале VI вв. до н. э. [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 27]. В этом случае, концентрация оружия и предметов звериного стиля в Восточном Предгорье может отражать реальную борьбу, которая имела место между ранее освоившими эту территорию скифами, во многом ассимилированными с кизил-кобинцами и «второй волной» скифов, вернувшихся после переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 88]. К сожалению, для большей убедительности данной версии не хватает более точных, «зауженных» датировок предметов звериного стиля и вооружения, что позволяет лишь очень условно разнести во времени предметы до и после возвращения основной массы скифов из Передней Азии. Однако этот аргумент не может быть решающим, поскольку само это «возвращение» нельзя рассматривать как одномоментное действие, произошедшее после пира Киаксара. Скорее всего, это был растянутый во времени и волнообразный процесс, продолжавшийся большую часть VII в. до н. э. [Кисель, 2003].

Следует отметить, что концентрация предметов звериного стиля в Центральном и Восточном Предгорье Крыма, а также наличие здесь его локального варианта (серия однотипных бляшек в виде ажурного изображения горного козла с направленной вперед головой) действительно сопровождается и концентрацией двух других элементов скифской триады, в особенности клинкового оружия и стрел, свидетельствующих о боевых столкновениях [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19—54; 2015а, с. 33—36]. Как бы ни решался вопрос относительно сторон этих столкновений, несомненным является факт довольно длительного пребывания ранних скифов в этих районах Крыма. Владение горными массивами Кубалач и, в особенности, Агармыш (восточная оконечность Предгорья) являлось стратегически важным для контроля над самой узкой частью Керченского полуострова, соединяющего его с остальным Крымом — Акмонайского перешейка — а также довольно узкого прохода с Керченского полуострова в Степной Крым, зажатого между Меотидой и Предгорьем. Удерживание этой территории давало возможность практически полного контроля над транзитным путем из Предкавказья через Боспор Киммерийский и Керченский полуостров к Перекопу и далее в Поднепровье — основным маршрутом скифских передвижений в архаическое время. А также контроль над продвижением в область тавров — Крымское Предгорье — по Старокрымской долине или по долинам рек Индол, Кучук-Карасу и Бюк-Карасу, равно как и перемещением из области тавров в степные районы.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб, 2003. — Альбом. — 272 с.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. — СПб, 2003. — 416 с.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. — 1990. — № 4. — С. 30—44.

Боплан Г.Л. Опис України // Гійом Лавассер де Боплан. Опис України. Проспер Меріме. Українські козаки та їх останні гетьмани; Богдан Хмельницький. — Львів, 1990. — 301 с.

Вахтина М.Ю. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII—VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов): Материалы 2-го археол. семинара. — Новочеркасск, 1989. — С. 74—89.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. — 1980. — № 4. — С. 155—161.

Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — 158—170.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. — М., 1997. — 270 с.

Зимовец Р.В. О локальных особенностях бронзовых бутеролой в виде головы хищной птицы // Старожитность раннего залізного віку. — К., 2016. — С. 76—88 (АДІУ. — Вип. 2 (19)).

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. — М., 2001. — 324 с.

Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. — 1965. — № 1. — С. 86—107.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с.

ИТУАК. — 1891. — № 11.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. — М., 2007. — С. 235—257.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.

Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. — 1995. — № 4. — С. 45—55.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... докт. ист. наук. — М., 2015. — 1724 с.

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитерное искусство из курганов Адыгеи. — М., 2006. — 232 с.

Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху // МИА. — 1956. — № 50. — С. 211—254.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). — СПб, 2006. — 272 с.

Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. — СПб, 2003. — 192 с.

Колтухов С.Г. Скифы горной части Крымского полуострова (регион, ресурсы и хозяйственная де-

- ятельность, история изучения) // ССПиК. — 2014. — Вып. XVII. — С. 122—153.
- Крис Х.И. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира // СА. — 1976. — № 2. — С. 240—245.
- Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии. VI—III вв. до н. э. — М., 2002. — Т. 1. — 349 с.
- Кулатова И.Н., Скорый С.А., Супруненко А.Б. Раннескифское погребение на юге Приднепровской Левобережной террасовой Лесостепи (к вопросу о переднеазиатских инновациях в восточноевропейском зверином стиле) // АЛЛУ. — 2006. — № 1. — С. 46—60.
- Курочкин Г.Н. Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов): Материалы 2-го археол. семинара. — Новочеркасск, 1989. — С. 102—120.
- Литопис руський. — К., 1989. — 591 с.
- Марсадалов Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. — М., 2005. — С. 301—316.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 440 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—154.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 136 с.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. — 1989. — № 2. — С. 50—67.
- Ольговский С.Я. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія — 1995. — № 2. — С. 25—31.
- Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. — М., 2014. — 278 с.
- Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. — 1981. — № 3. — С. 52—65.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. — 1982. — № 4. — С. 61—81.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. — Симферополь, 1995. — 128 с.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. — М., 2012. — 472 с.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. — М., 1994. — 206 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаданное-II // Скифы и Сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000. — С. 238—248.
- Погрובהва М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. — М., 1992. — 260 с.
- Поллидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-II и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. — СПб, 2010. — С. 217—224.
- Поллидович Ю.Б. Скiфські хрестоподібні бляхи // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 35—48.
- Поллидович Ю.Б., Вольная Г.В. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — 590 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Бляшки-«козль» с отрубленными головами (к ритуальной практике крымских горцев в эпоху раннего железа) // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 140—144 (АДЛУ. — Вып. 2 (15)).
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. К вопросу о взаимоотношениях скифов и тавров в VII—IV вв. до н. э. // Археологія і простір. — К., 2015а. — С. 30—45 (АДЛУ. — Вып. 4 (17)).
- Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. — К., 1961. — 248 с.
- Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. — Одесса, 2015. — С. 54—79.
- Троицкая Т.Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // Изв. крымского отдела географического общества. — 1957. — Вып. 4. — С. 67—76.
- Толстиков В.П. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. — 2001. — Вып. XII. — С. 365—367.
- Фурманская А.И. Бронзолитейное ремесло в Ольвии // Археологія. — 1963. — Т. XV. — С. 61—70.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. — М., 1967. — 300 с.
- Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной Скифии) // Скифы и Сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000. — С. 304—313.
- Шрамко И.Б. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Археологія без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 487—511 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Храпунов И.М. Етнічна історія Криму у ранньому залізному віці: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. — К., 2003. — 36 с.
- Храпунов И.М. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь, 1995. — 83 с.
- Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеобразных скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 249—250.
- Яковенко Э.В. Древнейший памятник искусства скифов // СА. — 1976. — № 2. — С. 236—240.
- Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976а. — С. 131—132.
- Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. — 1968. — № 4. — С. 200—207.
- Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — К., 1985. — 35 с.

Р. В. Зимовець

R. V. Zymovets

КРИМ У КОНТЕКСТІ РАНЬОСКІФСЬКИХ МІГРАЦІЙ (за матеріалами звіриноного стилю)

Стаття присвячена виявленню значення Криму у заселенні Північного Причорномор'я і Придніпровського Лісостепу скіфами на початку раннього залізного віку — у VII—VI ст. до н. е. При цьому скіфський звіриний стиль розглянуто як один з головних маркерів пересування кочовиків епохи архаїки. Зібрано інформацію про всі відомі нині предмети, оформлені у скіфському звіриноному стилі у Криму, які датуються VII — початком V ст. до н. е. Аналіз широкого кола аналогій кримським предметам у звіриноному стилі доводить, що, як з точки зору репертуару, так і стилістики образів вони були пов'язані з територією Кавказу та Передкавказзя з одного боку, та Подніпров'я (особливо Лісостепу) — з іншого. У сукупності з іншими джерелами це доводить, що у раньоскіфський час Крим був основною транзитною територією, через яку йшло проникнення скіфського контингенту з Передкавказзя у Подніпров'я. Існував й інший шлях такого проникнення — через Нижній Дон, але, судячи з аналізу предметів звіриноного стилю, якщо ним і користувалися, то набагато рідше.

Локальні особливості й географія кримських предметів звіриноного стилю свідчать про те, що вже у VII ст. до н. е. півострів був не лише транзитною зоною, але й місцем постійного перебування певного контингенту скіфів, яке не було обмежене лише Степовою частиною (Східний і Північний Крим), а досягало Східного й Центрального Передгір'я, де спостережена найбільша концентрація випадкових знахідок архаїчного звіриноного стилю. Зважаючи також на велику концентрацію предметів озброєння (клинкова зброя, наконечники стріл) на цій території можна зробити висновок про тривале перебування ранніх скіфів у Центральному та, особливо, Східному Передгір'ї, пов'язане з бойовими діями з автохтонами-таврами, або з більш ранньою, «першою» хвилею скіфів, що оволоділи цим мікрорегіоном до приходу основної маси кочовиків з Передньої Азії та їх міграції з Кавказу до Північного Причорномор'я.

У середині — другій половині VI ст. до н. е. кількість предметів звіриноного стилю дещо скорочується, спостерігається звуження репертуару образів. Натомість вже наприкінці VI — початку V ст. до н. е. репертуар оновлюється, з'являється низка нових образів (вовчий хижак, що згорнувся, редуковані зображення вовка, грифона, кабана), а старі образи (кошачий хижак, хижа птиця) зазнають суттєвих стилістичних трансформацій. Така зміна репертуару характерна для всієї Скіфії рубежу архаїчного та класичного часів й свідчить про появу нової хвилі кочовиків у Північному Причорномор'ї як носіїв нових імпульсів у розвитку звіриноного стилю, а також про зростаючий вплив грецького мистецтва.

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, Крим, ранній залізний вік, міграції скіфів.

CRIMEA IN THE CONTEXT OF THE EARLY SCYTHIAN MIGRATIONS

(According to Scythian Animal Style)

The role of the Crimea in the process of settlement of the Scythians of Northern Black Sea Coast and Dnieper Forest-Step region in the Early Middle Age (7th—6th centuries BC) is on the focus of current article. Scythian animal style is considered as a one of the most important marker of the movement of nomads in the archaic epoch. Article collect information about all currently known objects decorated in the Scythian animal style in the Early Middle Age. The analysis of a wide range of analogies of the Crimean animal style objects (elements of horse bridle mostly) prove that they are connected with Caucasus region from the one side and Dnieper region (especially Middle Dnieper, Forest-Steppe) from the other in terms of repertoire and stylistic features. This confirm conclusion that Crimea was the main transit territory, through which Early Scythian nomads penetrated from Caucasus to Northern Black Sea Coast and Middle Dnieper Region. Alternative way via Lower Don was much less demanded.

Besides, local features and geography of Crimean animal styled objects show that already in 7th century BC the permanent contingent of Scythians presented on peninsula. That is true not only for Steppe Crimea (east and north parts of peninsula) but for the Central and East Foothill also, where the highest concentration of archaic animal style are recorded. Paying attention to high concentration of armament items (bladed weapons, arrows) on this territory author argues about long stay Early Scythians in the Foothill. The reasons was military confrontation with Crimean autochthonous — Taurus — or with «first wave» of Scythians which seized this territory before the main part of nomads came here from Middle East military campaign and Caucasus.

In middle — second part of 6th century BC quantity of animal styled objects is decreasing, narrowing of the repertoire of images observed. But already in the end of 6th — early 5th century BC repertoire updated, a series of new images appears (coagulated wolf, reduced images of wolf, griffin, boar), old images (feline predator, predatory bird) are transformed seriously. Such repertoire renovation is peculiar to all Scythia in transition time from archaic to classic period and proves the emergence of new nomads wave as well as growing impact of Greek culture.

Keywords: Scythian animal style, Crimea, Early Iron Age, Scythian migrations.

Одержано 04.03.2017